

Алексей Федотов

Корел

сказ о том, как донские казаки
в Москву ходили



Алексей Федотов

**Корел. Сказ о том, как донские
казаки в Москву ходили**

«Издательские решения»

Федотов А. В.

Корел. Сказ о том, как донские казаки в Москву ходили /
А. В. Федотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838115-7

Книга предназначена для широкого круга читателей. В ней отражен почти полностью период становления вольного казачьего воинства 17 века на Дону. Автор пытается раскрыть историческую значимость одного из первых атаманов Донского казачества Андрея Корелы.

ISBN 978-5-44-838115-7

© Федотов А. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Андрей Тихонович Корел или сказ о том, как Донские Казаки в Москву ходили	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Корел
Сказ о том, как донские
казаки в Москву ходили

Алексей Федотов

© Алексей Федотов, 2017

ISBN 978-5-4483-8115-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Андрей Тихонович Корел или сказ о том, как Донские Казаки в Москву ходили

Изучая историю нашего края и времена Смутного времени в моё поле зрения попался интересный человек, атаман Корела и захотелось больше узнать про него. У моей жены Ольги Васильевны Федотовой в девичестве Паниотовой, была мать Анна Яковлевна Паниотова в девичестве Корелова. У неё есть двоюродный брат Вячеслав Корелов. На кладбище села Синявское Ростовской области на погосте похоронены и до сих пор существуют могилы в которых покоятся Яков Владимирович Корел и его сыновья Михаил Яковлевич, Иван Яковлевич и Валентин Яковлевич Корелы. По рассказам Анны Яковлевны Кореловой я понял, что Корелы живут в Ростовской области всю жизнь и из этих мест надолго не выезжали. Она так же говорила, что её дед Владимир Корел жил одно время в Херсонской губернии. Корелы всегда были казаками, хотя в последнее время не состояли на военной службе и не носили форму. Вот эти семейные обстоятельства, любопытство, да и вся генеалогия заставили меня более глубоко окунуться в исторические материалы, слава Богу теперь доступ к ним более свободен, чем раньше во времена прошедшие. Мы все знаем, что казаки всегда были народ беспокойный, среди них были великие и знатные люди, но были беглые крестьяне, бандиты, изверги, развратные люди, которые собирались на свободном Дону и составили этот пассионарный народ.

У одного из самых первых русских историков казачества и первоисточника инженера, генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана в его книге «История или повествование о Донских казаках, отколь и когда они начало своё имеют» написанная в 1778 году я нашёл упоминание об атамане Кореле, что Донские Казаки против действий гонителя и сатрапа Русского Царя Бориса Годунова в 1603 году собирали Войсковой круг:

Царскому, по ненависти Годунова, взбунтовавшись противу гонителя своего, собрали войсковой кругъ и во ономъ условились единодушно предаться Димитрію Царевичу, хотя они его самолично не знали, и не изслѣдовавъ, подлинно ли тотъ, какъ онъ себя именуетъ, послали отъ себя къ нему пословъ, въ коемъ числѣ былъ и самъ Войсковой Атаманъ ихъ, именемъ Корела. И когда сіи послы

Цитата из книги А. Ригельмана.

Тут необходимо вернуться в те года и посмотреть обстановку того времени. Самое начало 17 в. для Русского государства было тяжелым временем: везде обострились противоречия между царем Борисом Годуновым, венчавшимся на царство после смерти Феодора в 1598 года, и высшей знатью боярами и дворянами. Очень напряженным было положение и в народной среде, в том числе и на Дону.

Постоянно поолняемые беглыми крестьянами территории этой реки, способствовало скапливанию казаков, эти пассионарии таили в себе силу, готовую взорваться при каждой новой попытке правительства стеснить казачью вольницу. Обострившиеся социальные про-

цессы усугубились природными бедствиями. Затянувшиеся дожди холодного лета 1601 г. помешали созреванию хлебов. Крестьяне использовали незрелые «зяблые» семена, чтобы засеять озимь. В результате хлеб на полях дал очень плохие всходы, которые погибли от морозов в зиму 1602 г. В следующем году крестьянам стало ещё тяжелее, нечем было засеять поля. В Россию и на Дон пришел страшный голод.

На Донских просторах в народе возникло убеждение, что царствование Бориса Годунова не благословлено Богом, если с приходом его к власти страну постигло такое несчастье. Беглые люди, крестьяне в поисках пищи собирались в шайки; в разных уголках России появились разбойничьи группы. Царь Борис посылал дворянские и стрелецкие отряды против «разбоев» в различные города вокруг Москвы и другие уезды.

Около столицы особенно активизировался атаман Хлопко. Вся страна была наполнена слухами: о Борисе говорили, что он «уморил» царя Феодора Иоанновича, отравил царицу Ирину, хотя она была его сестрой, загубил их ребенка и свою племянницу Феодосию, до этого организовал убийство царевича Димитрия, сжег Москву, чтобы отвлечь внимание царя и столичного общества от угличского злодеяния, обманом и интригами венчался на царство. Вполне понятно, что в сложившейся ситуации известие о существовании самозванца, выдававшего себя за царевича Димитрия, упало на почву не самую благоприятную. Однако подоплека мрачного периода самозванщины скрывалась значительно глубже и созревала не внутри России, а за ее пределами.

Но вернёмся к атаману Кореле. У современника описывающего время Лжедмитрия голландского торговца, находившегося в Московском государстве в 1601—1609 гг. **Исака Массы** находим что: *«предводителем этих казаков был Корела... родом из Курляндии».*

Знаменитый русский историк **Николай Иванович Костомаров** утверждает голландцу: *«родом он (Корела), говорят, был из Курляндии, или, из Корелы, поступил в казачество, как поступали туда бродяги из разных краев русского мира, и на Дону уже прославился своею храбростью и смелостью».*

Историк **А. Станиславский** в своей книге «Смута и казаки» пишет: *«В 1603 г. г. Лжедмитрий I обратился за помощью к донским казакам, обещая им „волю“. Донцы тотчас же послали воскресшему царевичу атаманов **Андрея Корелу** (приезжавшего в свое время с вестями и грамотой с Дона еще к Федору Ивановичу) и **Михаила Межакова».** Про посольство Андрея Корелы к царю Фёдору Ивановичу рассмотрим позже, а вот что Михаил Межаков был сотоварищем это для меня была большая новость.*

Другой донской историк **Михаил Астапенко** в своём труде «Донские казачьи атаманы: исторические очерки-биографии» сообщает: *«С начала XVII века на Дону атаманствовал **Андрей Тихонович КОРЕЛА**, которого один из ведущих историков Смуты Руслан Григорьевич Скрябиников назвал «выдающимся предводителем повстанцев».* Вот и я, находя сведения и ссылки у различных историков и в интернет источниках, что Андрей (по-старому Ондрей) был из Корелы. Сам **городок Корела** был заложен новгородцами ещё 13 веке у Ладожского озера на торговом пути в Финляндию для обороны от шведов. По преданию в этом городе умер первый русский князь Рюрик. Ныне это старое поселение есть город Приозёрск Ленинградской области.

Про эту крепость можно подробнее прочитать на сайте Древние крепости Северо-Запада России вот ссылка: <http://nwfortress.ifmo.ru/kreposti/krepost-korela/istoriya-kreposti>, кто из читателей желает может посмотреть.

Одним из первых знаменитых узников в этой крепости был **Иоанн VII Антонович**. он содержался в крепости в июле-августе 1762 г.



Крепость Кексгольм в городе Приозёрск. Современное фото.

Про других политические узников я тоже раньше не знал, а теперь раскрывая эту тему, как и читатели знаю: это были **Софья Дмитриевна Пугачева** и трое ее дети, а также вторая жена Пугачева-яицкая казачка **Устинья Петровна** (урожденная Кузнецова) хоть и были оправданы судом, но он и назначил им иной пункт поселения: определил поселить в городе Кексгольме (Корела). Пугачевы были доставлены туда 23 января 1775 и заключены в казематы старинной крепости без права выхода из нее. Там на положении тюремных невольников они прожили около тридцати лет.

В апреле 1828 г. в Кексгольмской крепости содержались 9 декабристов: А. П. Барятинский, И. И. Горбачевский, М. М. Спиридов, Ф. Ф. Вадковский, В. К. Кюхельбекер, А. В. Поджио, П. Ф. Громнитский, И. В. Киреев, М. Ф. Митьков.



10 рублевая юбилейная монета 2008 года.

Город Приозёрск и крепость Корела, по-шведски Кексгольм, был изображен на 10 рублевой монете России. На ней видим старую башню крепости, главы церкви, соборы и старые каменные здания.

После нахождения многих материалов я теперь знаю, и хочу поделиться с читателем, что **отцом Андрея** (Ондрей) был **крестьянин по имени Тихон из Корельского городка, Новгородской земли, Вотской пятины, Воскресенско-Городенского погоста**. Сначала городок получил имя от церкви, находившейся в этой крепости. Позже в этом городе будут построены ещё три православных храма.

История земли повернулась так, что этот город получил название Кексгольм и 15 лет находился под властью шведов с 1580 по 1595 год.



Кексгольм. Фрагмент Шведской карты 17 века.

Крестьянин Тихон и его сын Ондрей новгородцы из городка Корелы вот что мы знаем на данное время и поздние историки говорят так же, нам же ничего не остаётся как принять это за истину. Понятно, что Корела это не фамилия а прозвище, которыми наделялись большинство вольных казаков того времени.

По историческим справкам видим, что во второй половине 15 в. **Корела** был самым крупным городом земли после Новгорода, отстоял от него на 300 вёрст. Хотя население Корелы было смешанным, карельским и русским, в целом уже в новгородский период город с его типично русскими крепостными стенами и башней, с его соборами, монастырями, хоромы наместника и избами рядового населения приобрел совершенно русский облик, типичный для городов Новгородской земли.

Русские власти все это время держали в боевой готовности укрепления города. Для усиления Корельской крепости новгородское правительство провело здесь в 1364 г. новые крупные работы. Летопись сообщает, что в этом году «в Корельском городке посадник Яков поставил костер камен», т.е. каменную башню, включив ее в систему уже существовавших здесь земляных и деревянных укреплений. К башне с обеих сторон примыкала крепостная стена, но она во все время своего существования оставалась деревянной.

Историк К. А. Неволин в своей книге «О пятинах и погостах Новгородских в 16 веке» пишет: «Великий князь и царь Иван Васильевич в 1504 году своём духовном завещании сыну благословил своей отчиною Великим Княжением Новгородским и даёт ему Великий Новгород со всеми пятью пятнами, волостями и погостами».

волостыи и съ погосты и со всіми пошлинами; да Корѣльскую
землю всю, Корѣльской горолѣ съ волостыи и съ погосты и со
всіми пошлинами, со всімъ съ тѣмъ, что хъ Корѣльской землѣ
потягло, и съ Лопью съ лѣшею и съ дикою Лопью. Да сыну

Цитата из книги К.А.Неволина «О пятинах и погостах Новгородских в 16 веке».

Эти времена мы недавно видели в новом фильме «София» режиссера Андрея Андрианова и Евгения Цыганова в роли Царя Ивана Васильевича, который собрал русские земли в единое государство.

Позже в 1578 году его внук Царь Иван Грозный оставляет эти же земли своему сыну Феодору Ивановичу «*Корельскую землю и город Корелу*», городок превращается в настоящий укрепленный город. Корельский уезд состоял уже из 7 погостов (семи церквей и деревень и семи кладбищ при них).

Л. 196: «Погость Дмитреевской Городеиской. А на погостѣ церковь Дмитрей Велики Селунскы. Да на погостѣ же церковь Покровъ Пречистые, монастырскъ. Да на погостѣ Дмитреевскихъ дв. попь Иванъ, дв. диаконъ Федоръ, дв. сторожъ Ермолка; а хрестіанъ дв. Родивонко, дв. Юрка строй, дв. Федко Степановъ, всѣ не

Цитата из К.А.Неволина.

Именно из этой цитаты видим, что построена церковь Дмитрия Солунского и существует монастырь и деревни в округе, там же прозвища крестьян, один из них был дворовый крестьянин по имени Тихон, который являлся отцом нашего Андрея Корелы.

пашуть. А Покровскихъ дв. попь Игнатей, дв. дякъ церковной Федко, дв. дякъ же Юшко, дв. сторожъ Захарко, дв. сторожъ Исачко. А пашня у нихъ церковные на десять коробей на ржаную, а сѣна двадцать копень, а въ обжа не положены.»

Л. 196—202 об.: «Въ Городеискомъ же погостѣ Великого Князя села и деревни оброчные новоседеиныхъ.» М. пр. значатся дерр. Берестяно, Замощье, Горка надъ озеромъ надъ Киломъ, Писво, Мошонка, Пастыца, Щины, Любѣховичи, Блохино, Будковцо, Замощье-Лопухово, Гусвицеъ, Бочкши, Сырцеъ, Раковна Большая, Коломичи, Пѣвизецъ, Коростыни.

Цитата из книги К.А.Неволина «О пятинах и погостах Новгородских в 16 веке».

Уже в конце 16 столетия все русские земли объединились в составе огромного Русского централизованного государства под главенством Москвы. Вместе с Новгородом и его обширными владениями в состав Русского государства вошел и **город Корела** с окружающей его территорией – Карельской землей. Город Корела, стоявшая ближе всех русских городов к шведской границе, первая стала жертвой вражеского нападения.

Андрею сына Тихона, рождённого по некоторым сведениям в **1550 году**, летом 1573 г., когда шведский отряд под командованием **Германа Флеминга** подступил к Кореле было всего 23 года. Шведы не рискнули сразу нападать на прочные городские укрепления и ограничились разорением и поджогом незащищенных частей города и окрестностей. Солдаты Флеминга сожгли городские посады на обоих берегах реки, стоявший в устье Вуоксы, монастырь Иоанна Предтечи и продовольственный склад. Вернувшись из похода на Корелу, Г. Флеминг сказал, что здания этого города «*являются самыми прекрасными из всего, что ему приходилось когда-либо видеть*».

Жили русские люди у реки, но через пять лет шведский отряд вновь напал на город Корелу. Опять запылали едва успевшие отстроиться городские посады. Было на этот раз совершено нападение и на городские укрепления. Шведские солдаты трижды пытались поджечь деревянные стены Корелы, но проливной дождь помог защитникам города погасить пожар и отбить нападение.

Шведский главнокомандующий **Понтус Делагарди** в конце **октября 1580 г.** двинулся из Выборга **на Корелу** и 26 октября с 7000 войском и артиллерией подступил к городу. Застигнутые врасплох посадские люди бросили свои дома и скрылись за стенами городских укреплений. Шведские солдаты стали взламывать двери складов и домов, и грабить накопленные там товары и имущество. На обоих берегах Вуоксы шведы построили осадные сооружения, уста-

новили пушки, лодки с шведскими солдатами блокировали обе городские крепости, отрезав их от внешнего мира.

4 ноября 1580 г. приготовления к осаде были закончены и вражеские орудия начали обстрел городских укреплений. Шведское командование воспользовалось тем, что стены детинца и Спасского острова были сооружены из бревен. Понтус Делагарди приказал своим артиллеристам вести стрельбу раскаленными железными ядрами. Сначала загорелись находившиеся на Спасском острове склады с зерном и солью; затем вспыхнула одна из деревянных стен, пожар перекинулся на другие укрепления, потом запылали и жилые дома внутри детинца и Спасского острова. Постепенно огонь охватил весь город.

Андрей в составе немногочисленного гарнизона отстреливались из пушек и ружей, пытался с товарищами тушить вновь и вновь возникающие пожары, заливая горящие стены водой, забрасывая их землей и песком, но одолеть огонь было сложно. В это время **Андрей Корела** получил сильный ожёг лица, почти все волосы на его голове сгорели. Пока была возможность сопротивляться, воевода Квашнин не хотел и думать о капитуляции и настаивал на продолжении борьбы.

Но наступило время, когда весь город был уже объят пламенем, и его защитникам ничего больше не оставалось, как сложить оружие или погибнуть в огне. Только в этот критический момент воевода согласился начать переговоры и послал двух воинов в шведский лагерь. В результате переговоров город был сдан шведам, а оставшимся в живых защитникам Корелы и ее жителям было предоставлено право уйти в русские владения.



Рисунок крепости Кексгольм 18 век. Неизвестный художник.

Шведское войско захватив город, стало насильственно подчинять себе окрестное карельское население. Однако местные крестьяне не захотели покориться чужеземной власти и начали против захватчиков партизанскую войну. Русское военное командование не примирилось с утратой Корелы и трижды делало попытки освободить город. В первый раз такая операция была предпринята в июне 1581 г., в ней участвовало около полутора тысяч русских воинов; во втором нападении, состоявшемся в августе того же года, до 3 тысяч. Однако шведы уже успели восстановить городские укрепления, и оба приступа, производившиеся без помощи артиллерии, не увенчались успехом.

Уже поздней осенью того же **1581 г.** русские войска и тот же **воевода Квашнин и стрелки пищальники** среди которых был **Андрей** появились под стенами **Корелы** в третий раз. Новгородцы в то время создавали отряды пищальников, по приказанию с верха, они экипировали одного стрелка в среднем с 3—5 дворов. Сообща крестьяне одевали его в сермягу, приобретали пищаль, порох, свинец и обеспечивали на определенный срок продовольствием.



Пищальник. Художник А. Васильев.

В темную и бурную ноябрьскую ночь, когда из-за скверной погоды никто не мог ожидать нападения с Ладожского озера, отряд молодых парней во главе с Андреем на лодках из озера пробрался в устье Вуоксы и подступил к городу.

Никем не замеченные эти храбрые воины подошли на лодках к городским укреплениям и, подобравшись к недавно восстановленным шведами деревянным стенам детинца, подожгли их березовыми сучьями в нескольких местах. После больших усилий в кромешной тьме ярко запылали стены и башни крепости. Часть шведской крепостной стражи во время этого нападения была перебита, остальные захвачены в плен. Ринувшись затем к Спасскому острову, русские парни подожгли стоявшие у его берега шведские суда. Застигнутые врасплох и перепуганные шведские моряки, отстреливаясь, вынужденно бросились гасить корабли. Во время штурма и попытки abordаж кораблей, уже зрелый молодой и сильный Андрей Корела (ему 31 год) получил серьёзное ранения лица от шведской сабли, глаз остался цел, а вот шрам на всё лицо получил на всю жизнь. В городе шведы с огромным трудом сумели спасти от огня отдельные участки крепостных стен, но две деревянные башни и большая часть стен детинца сгорели дотла. В огне погибли также жилые постройки, казармы и городские склады с многочисленными запасами продовольствия, но город остался за ними.

Общая стратегическая обстановка складывалась в то время не в пользу России и не позволяла думать о крупных наступательных операциях против шведов. Затянувшаяся на 25 лет **Ливонская война** привела к значительному ослаблению страны и закончилась невыгодным миром.

Русскому правительству по условиям заключенного **в августе 1583** года на реке Плюссе мирного соглашения пришлось оставить Швеции захваченные ею русские владения, в том числе города Ивангород, Ям, Копорье, Корелу с уездами. Россия по договору сохранила только устье Невы.

Корела и Корельский уезд оставались под шведской властью в течение 17 лет, с 1580 по 1597 гг. В 1590 г. Россия, восстановив силы после тяжелой многолетней Ливонской войны, вновь выступила против Швеции. Война окончилась успешно для России, и по Тязвинскому мирному договору (заключенному 18 мая 1595 в Тязвине, северо-западнее Новгорода) шведам пришлось возвратить все захваченные в Ливонской войне русские владения (Ивангород, Копорье, Ниеншанц, Орешек, Ям и Корелу).

1 ноября 1598 г. для обеспечения скорейшего восстановления города **царь Борис Годунов** издал специальный документ-«*жалованную грамоту*» жителям Корелы. В этой грамоте царь распорядился, возвращающимся на родные пепелища горожанам и крестьянам оказывать помощь. Вернувшимся в Корелу русским горожанам были бесплатно переданы в собственность дома, построенные шведами; жители Корелы получили право торговать без уплаты торговых пошлин в своем городе, а также в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Москве, и право провозить товары без уплаты судебных пошлин по реке Волхову. Население Корелы и крестьяне Карельского уезда на 10 лет освобождались от платежа в государственную казну всех податей и оброков «*с их дворов и с лавок, и со всяких угодей*».

Но к этому времени Андрея уже давно не было в Кореле после захвата города шведами **весной 1582 года** он ушёл, можно сказать **бежал на Дон** в городок **Раздоры**. Конечно Андрей слышал про вольных людей на Дону и казака по имени Ермак из Качалинского городка. Во время войны Карела встречался с Донскими Казаками и **атаманом Михаилом Черкашениным** убитым под Псковом в 1581 году, эти казаки были в то время в войске боярина Шеина как союзники Царя Ивана Грозного.

Ранее ещё в **1570** году Иван Васильевич в своей грамоте на Донец Северной просил Мишу Черкашенина с атаманами и казаками проводить из Рыльска под Азов своего посланника **Ивана Петровича Новосильцева**.

У историка и политолога Сергея Маркедонова находим упоминание про одного из первых атаманов донских «*черкаса*» Михаила Черкашенина:

«Он воевал с азовцами и даже делал набеги на турецкую крепость Азак. Гибель атамана Черкашенина послужила „устным материалом“ для донского казачьего эпоса. Старая казачья песня, прославившая погибшего донского атамана, стала, по словам филолога Олега Николаева, „одной из первых мифологем в духовной истории казачества“. Впервые он появляется на исторической сцене в 1548 году в Диком поле, когда во главе отряда путивльских служилых казаков (севрюков) вместе с мелким помещиком Истомой Извольским поставил на „*Великом Перевозе*“ (Волго-Донской Переволоке) „*острогу*“. По словам историка Н. А. Мининкова, „*эта острога у Переволоки – первое известное нам поселение казаков на Дону*“, которое давало донцам возможность мешать крымским татарам свободно взаимодействовать с поволжскими ханствами. В том же 1548 году крымский хан Сахиб-Гирей решил уничтожить „*острогу*“, отправив против нее отряд во главе с Елбузуком. Но татарскую рать ожидала неудача, казаки одержали победу над ним».

Донской эпос про атамана был в собранных текстах 18 века уральцем **Киршеем Даниловым**. Он является составителем первого сборника русских былин, исторических песен и духовных стихов. В той старинной былине говорится про польского атамана, привезённого «*казачьей вольницей*» из далека мертвым. Современные филологи и историки утверждают, что «*польскими или полскими*» в старые времена часто называли воинов «*казаковавших в поле*». Вот точные слова из неё:

За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за старую,
Изъ далеча чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана польскаго,
Атамана польскаго, а по имени Михаила Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются,
Еще плачуть малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;
Съ високаго терема зазрѣла молодая жена,
А плачетъ, убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ.
Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:

*«Казачья вольная поздорову приехали,
Тебя, свѣта моего, привезли убилаго,
Привезли убилаго атамана польскаго,
А по имени Михаила Черкашенина!».*

Про храбрость Донского Казака складывались легенды. Считалось, что он заговорен от пуль, и даже Никоновский летописец записал, что он заговаривает вражеские ядра. О смерти атамана в Патриаршей летописи написано: *«Да тут же убили Мишку Черкашенина, а угадал себе сам, что ему быти убиту, а Псков будет цел. И то он сказал воеводам».*

Помня о казачьих рассказах и об атамане Андрей, которому в те времена уже больше тридцати лет, у него нет семьи и ничего не сдерживало на Родине, его дом сожгли, отец погиб, сражаясь в партизанах, мать и сестру убили шведы. Он решается идти к казакам на вольный Дон.

После рассказов о первом атамане, настало время немного поговорить о внешности Ондreja Корелы. Он был не очень высок, но коренаст и жилист, по характеру настырен и смел. С молодости благодаря *«играм в войну»* у него хватало силы в руках махать по пол дня тяжёлым мечом. Корела был не совсем красив лицом, таким он стал после битв со шведами, сильный ожог оставил на лице коллоидные швы и глубокий шрам вкось пересекал лицо. Побегу с Ладожского озера **Андрея сына Тихона** по прозвищу **Корел**, способствовал указ Царя Ивана Васильевича Мучителя, который запретил в 1581 году выход крестьян введя *«заповедные лета»* и объявив *«писцовые книги»* юридическими основаниями крестьянской крепости.

Царь и Великий Князь **Иван Васильевич 1582** году снял опалу с Казаков из-за удачных действий Ермака объявил им вечную благодарность России, за **завоевание Сибири**, назвал казачьего посла **Ивана Кольцо** их *«добрым витязем»*, пожаловал Ермаку две брони, серебряный кубок и шубу с плеча своего; всем другим Атаманам и Казакам отправил богатые дары сукнами, камками и деньгами.

Андрей Тихонович Корела прибыл на Дон **весной 1582** года и поселился в **Раздорах Донецких** на острове против устья реки Северского Донца. Он купил себе жену у одного казака, которую тот привёл в виде приза. В те времена разрешалось иметь много женщин.

Бывало некоторые казаки, приведя себе красивых черкешенок или турчанок старую продавали. Водя по улицам станицы женщину кричали: *«Кому любя, кому надобна! Она мне гожа была, работяща и домовита. Бери кому надобна».* Этим женщинам жилось тяжело, за любую провинность она могла быть наказана плёткой, а за измену казаку ей связывали руки и ноги, в рубашку насыпали песку, камней и топили в реке.

Мы знаем, что многие бежавшие крестьяне не имели ни фамилий, ни прозвищ, то тут на Дону образовалось особое русское творчество. В церковных книгах встречаются казаки: Максим Ебодёнок, Федор Пердун, Ивана Дристунов, Григория Сранкин, Никита Бздилин, Семён Бздунков, Василь Дураков, Иван Мудаков, Антон Жопин, а также уже семейства Мохнажоповых, Худосраковых, Вислогузовых, Вислозадовых, Сиськиных, Сукиных, Шалавиных и так далее. Если сейчас встречаете такую странную фамилию, знайте, что она произошла из первых донских казаков. Существовало немало и «неприличных» казачьих топонимов. Даже после очень долгого процесса «облагораживания» топонимии, на картах Донского бассейна до войны ещё встречались Бздилова речка, Говённая, Средняя Говённая и Сучкина балки, Говённый ерик, Говённый и Срулёв овраги, Сучий лог, не говоря уже о речке Вонючке, Вшивом и Хреновом озёрах, Поганой и Сопливой балках, Собачьем яре и тому подобное.

Но вернёмся к нашему герою **Андрею Кореле** ему **32** года, казак в полном расцвете сил, побывал в боях, грамотен. знает немного польский, латынь, понимает и как-то умеет говорить на шведском языке. Он своим умом, настойчивостью, храбростью и смелостью завоевал авторитет у казаков, продвинувшись от десятника до станичного атамана.

Немного напомним читателю как говорят сегодня про политическую обстановку в государстве Российском. Царь **Иван Васильевич** (Иван 4), великий князь и царь московитов, женился в седьмой раз, взяв жену из рода **Нагих**, по имени **Марфа**; от этой жены родился у него сын по имени **Димитрий**, и это была его последняя законная жена и ребенок, и детей он больше не имел, хотя было у него много наложниц. И оставил ли он незаконных детей, неизвестно, всего вероятнее, что не оставил, ибо, поспав с какой-нибудь девушкой – а он ежедневно приказывал приводить девиц из разных мест и его приказание исполняли, – он тотчас передавал ее своим опричникам и сводникам, которые портили ее дальше, так что у нее дети уже не могли родиться. После того как в 1581 году Иван Грозный умертвил или потерял своего сына Ивана, он стал предаваться жестокостям еще больше, чем прежде, и его тирания была ужасна.

Говорили, что царь вознамерился опустошить всю страну и истребить свой народ, так как знал, что ему осталось недолго жить, и полагал, что все будут радоваться его смерти, хотя ни на ком не мог этого заметить; однако он умер ранее, чем предполагал; день ото дня становясь все слабее и слабее, он впал в тяжкую болезнь.

Людская молва до казаков доносила, что «*московскому государю жить недолго*» последние шесть лет жизни у него развились остеофиты, причём до такой степени, что он уже не мог ходить – его носили на носилках. Это сейчас мы знаем, что, в феврале и начале марта 1584 года царь ещё занимается государственными делами. К 10 марта относится первое упоминание о болезни (когда был остановлен на пути к Москве литовский посол «*в связи с государевым недугом*»). 16 марта наступило ухудшение, царь впал в беспамятство, однако 17 и 18 марта почувствовал облегчение от горячих ванн, но после полудня 18 марта **Царь Иван Грозный** умер. Ему было всего 54 года.

Сохранилось предсмертное поручение Царя Ивана 4 к Борису Годунову: «*Егда же Великий Государь последнего напутия сподобися, пречистаго тела и крови Господа, тогда во свидетельство представляя духовника своего Архимандрита Феодосия, слез очи свои наполнив, глаголя Борису Феодоровичу: тебе приказываю душу свою и сына своего Феодора Ивановича, и дочь свою Ирину...*». По нынешним версиям и по фактам вскрытия могилы Грозного, проведения исследований стала главной версия убийства, ему клали в пищу продолжительное время смесь мышьяка и ртути.

Умер **Царь Иван Мучитель** и в Москве как всегда бывает при смене правителя произошло сильное волнение черни. Вооружившись луками, копьями, дубинами и мечами, народ ринулся к Кремлю, ворота которого были заперты, поэтому они разгромили все лавки и арсенал, откуда взяли оружие и порох, намереваясь взломать ворота, и кричали: «*Выдайте нам Никиту Романовича!*» (Трубецкого), который был сыном тестя тирана и братом великой княгини Анастасии; он так же был телохранителем Ивана Ивановича сына Грозного. Народ был весьма расположен к нему, ибо Никита отличался благочестием. Чернь домогалась увидеть его живым, ибо все страшились, что его изведут во время междоусобия, по причине своей добротели имел он много врагов при дворе.

Со стен Кремля кричали, чтобы они шли по домам и молились о душе усопшего, что скоро все придет в надлежащий порядок, уже известно кто должен царствовать, ибо после царя остались сыновья, и, сверх того церковь и бояре уже провозгласили Федора Иоанновича царем и великим князем на отцовском престоле, и что он женат и, следовательно, нечего опасаться. Но эти увещания, однако, не помогли, и чернь продолжала кричать: «*Выдайте нам Никиту, выдайте нам Никиту Романовича!*» Вельможи, опасаясь, что чернь проломит ворота Кремля, велели стрельцам с двумя или тремя сотнями мушкетов стрелять по толпе, отчего народ тотчас побежал от ворот, так что большая площадь перед Кремлем тотчас же совершенно опустела. Никита Романович Трубецкой, опасаясь нападения на свой дом и не считая себя безопасным, желал возвратиться домой; хотя бояре прилежно просили его остаться в Кремле, он настоял

на своем, и его выпустили; и когда он выехал верхом в сопровождении 20 слуг, народ, кричал, бесновался и ликовал от великой радости, что видит его живым, и большими толпами проводил его до дому.



Художник Б. А. Зеленский из труда Висковатова А. В. «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

После смерти царя Ивана Васильевича по прозвищу Мучитель (намного позже историки присвоили ему имя Грозный) по всей стране через церкви прокатился призыв выделить выборных людей из всех сословий на Церковно-Земский собор в Москву на коронацию нового царя. Одним из представителей от казаков на Войсковом Казачьем Кругу **весной 1584 года** были выдвинуты атаман **Иван Кишкин** и **станичный атаман Андрей Корела**, которому было поручено донести до Московского митрополита и Царя грамоту от казаков про «тарханы».

Земский Собор в мае 1584 г. утвердил на пост нового царя: *«Божьим судом великий государь, блаженные памяти благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, во иноцех Иона, оставль земное царство, отъиде в небесное царство; а по благословению отца своего, великий государь благочестивый царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси самодержец, взял скипетр Российского царствия...»*

Собор так же вынес решение об отмене церковных и монастырских тарханов (податных льгот). Духовные землевладельцы, земли которых находятся «в тарханех», с них «никакие царские дани и земских розметов не платят, а воинство служилые люди те их земли оплачивают». От этого происходит «многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы. А крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во лготе, и от того великая тощета воинским людям прииде».

Собор постановил: «для воинского чину и оскудения, тарханы отставити». Мера эта носила временный характер: до государева указа – «покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением».

Цели нового «уложения» определялись как стремление сочетать интересы казны и служилых людей: «чтоб воинство конечно во оскудение от того не было, для ради тоя вины и государеве казне в том убытка не было». Вот такое большое дело или послабление в налогах для воинских людей сделал умный, образованный и настойчивый Андрей Корела. Это коснулось и казаков. Он передал царю именной список Донских атаманов и так же «целовал крест» т.е. давал присягу верности новому царю от имени всех Донских казаков.

Федор I Иоаннович (Фёдор Блаженный) ему 27 лет был провозглашен Царем и Великим князем Московии. По словам самого Ивана Грозного, Фёдор был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый». Митрополит Московский Иов передал новому царю скипетр и хоругви, надел золотую цепь и шапку, что прислал Греческий Царь Константин Мономах.

Английского дипломата Джильса Флетчера так описывал царя: «Теперешний царь относительно своей наружности: росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; носу него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей».

Женат Фёдор был на Ирине Фёдоровне, урождённой Годуновой, в иночестве её звали Александра. Свадьба была ещё при Мучителе в 1575 году, её брат Борис Годунов получил титул боярина. Жениху и невесте было по 18 лет.

Годунов был осыпан милостями: он получил чин «*конюшего*», звание ближнего великого боярина и наместника Казанского и Астраханского царств.

Еще при жизни своего отца-тирана, и так как в течение трех лет у него не было от нее наследника, она родила одну только дочь, которая вскоре умерла, то Иван 4 пожелал, чтобы сын, следуя их обычаю, заточил ее в монастырь и взял себе другую жену.

Федор Иоаннович, человек нрава кроткого и доброго, очень любивший свою жену и не желавший исполнить требование отца, отвечал ему: «Оставь ее со мною, а не то так лиши меня жизни, ибо я не желаю ее покинуть».

Пока атаман «зимовой станицы» **Андрей Корела** был в Московии казаки сделали ряд набегов на Азовских турок и соответственно. Турецкий Мурат султан сразу начал жаловаться новому царю и просил унять **Донского Атамана Кишкина**, злого разбойника Азовских пределов, «чтобы ваши Казаки под Азовом людей наших не теснили, не грабили и не убивали».

В конце августа 1584 года Царь пишет грамоту на Дон, так как знает к кому обращаться и у него есть приблизительный перечень Донских Атаманов.

Грамота (въ спискѣ) Государя Царя ФЕОДОРА ІОАННОВИЧА на Донѣ, Атаманаѣ и Казакамѣ старымѣ и новымѣ: о препровожденіи, отправленнаго въ Константинополь Посланникомъ Бориса Петровича Благово до Азова и, на возвратномѣ пути его, до Рязска, о прекращеніи всѣхъ ссорѣ съ Азовцами, и обѣ охраненіи пограничныхъ Россійскихъ селеній отѣ набѣговѣ Татарскихъ. — Писана 1584, Августа 31.

Заголовок грамоты Государя из сборника «Донские дела».

Ещё раньше в грамоте от 31 июля 1594 года «о заключении мира с азовцами и по случаю отправления в Царьград посланика Истленьева» и о присылки жалования казакам видим, что главными на Дону были **атаманы: Епиха Родилов, Микита Болдырь, Степан Ершов и Иван Нос**. В Москву был прислан казак Пронка с товарищами и с «языком». В пути им встретились бандиты, промышлявшие в Диком поле «и на поле их, погромили черкасы».

Из расспросных речей видно, что Казаки ходили на Казыевы улусы «...и многих азовских людей и Нагай Казыева побили... да отполонили русскаго полону 630 человек». За это Царь Федор Иванович выдал жалование за добрую службу «8 поставов настроило, да 24 половинки еренковы, а в поставах и в половинках 150 портищ сукон добрых, да 50 пуд селитры, да 50 пуд свинцу, 6 пуд с четвертью серы, да запасу 150 четь сухарей, да 40 четь круп, 40 четь толокна». С этим жалованием, наверное, через Воронеж был направлен Василий Биркин с головою казацким Михаилом Кошелевым со стрельцами и казаками. Царь обещает Донским Казакам за их дальнейшую службу против крымских и азовских людей «наше царское жалование к вам и впредь будет». В этой грамоте так же говорится, что послан был «в Царь-город к турецкому Мурат салтану» посланник Данила Истленьев с турком Резван-чеушем, а проводить их должны были «Василий Биркин, да голова казацкий Михаил Кошелев». Когда грамота пришла на Дон «велели петь понам молебны и из пушек, и из мелкого ружья стрелять... и слушали все сняв шапки с радостью».

Эта грамота сохранилась в архивах и я, считая нужным привести её полностью (из Собрания Грамот и договоров) от слова до слова:



Царь Федор Иванович. Художник Б. А. Зеленский из труда А.В.Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

*«Послали есмя во Царьград, к Турскому Мурат Салтану, в Посланниках, **Бориса Петровича Благово**, а идти велели есмя, Борису на Азов да на Кафу; и как Борис пойдет на Азов Доном, и вы б, **однолично, с Азовскими людьми жили смирно, и задору некоторого Азовским людям не чинили, чтобы в том нашем делу порухи не было.** И которые, будет, Азовские люди учнут ходить на Дон, и по рекам, для рыбных ловель, и для дров и иных которых запасов; и вы б тех людей, Доном и по рекам пропущали, и задору некоторого не чинили. А мы Борису, с Азовским Санчаком велели о том договориться, чтобы Азовские люди, по тому ж жили с вами смирно и здоров вам не чинили никаких; а договорясь, к вам велели есмя, Борису, и отписати и знамя послати к вам, что он приговорит с Азовским Санчаком, чтобы вам то ведомо было. И как Борис к вам отпишет, или прикажет, и вы б в Азов, от себя ссылались к Азовскому Санчаку, что к вам наш указ пришел, и велено вам с Азовскими людьми **быть в миру, и задору некоторого делати не велено, и на Крымские улусы вам ходить не велено, и они б, потому ж с вами жили в миру и сами бы не задирали,** только есте того берегли накрепко, как воинские люди Крымские, и Казыева улуса и Нагаи пойдут войною на наши **украины**, или которые воинские люди пойдут с полоном, с **наших украин** и вы б в те поры на тех людей, на перевозех, приходили и над ними промышляли, чтобы над ними дал Бог, поиск учинити и полон отполонити: того бесте **однолично берегли накрепко, а нам тем служили, а мы вас, за вашу службу, жаловать хотим.** А ныне есмя к вам свое жалованье, которые ходили Атаманы и казаки под Калмиюс, послали с Борисом с Благим, селитру и свинец, а вперед вас, своим жалованьем, хотим жаловати; а как придет из Царягорода Борис назад в Азов, и вы б его, от Азова, проводили до Рязскаго города, меж себя городок от городка. А которые останутся низовые Атаманы от Азова до Роздоров, и вы б их **имяна, хто имянем атаман, и сколько с которым Атаманом казаков останется, то б есте имянно переписав, дали письмо посланнику нашему Благово, а мы Борису велели тех имена прислати к нам; а мы к ним вперед, на весне рано, свое жалованье приишем.** А как Борис в Азов придет, и вы б его проводили, чтобы ему Казыева улусу и от Крымских людей, **пройти здорово и безстрашно;** а будет Салтан Турской пошлет к нам, с нашим Борисом Благово, своего Посланника, и вы б его, Посланника, провожали чесно, вместе с Борисом. Писана на Москве, Лета 1584. Августа в 31 день».*

Не все из донских казаков ещё подчинились царю, так из документов Благого видим: *«...на Дону Донские атаманы **Гаврило Глузов да Лука Царёв казак**, а с ними 500 человек казаков дождидаются, государь, меня холопа твоего, а хотят громити».*

Сопровождал Бориса Благого воевода Юрий Булгаков, а казакам отправлена ещё одна грамота, в которой обещали им дать поместья если в точности исполнят волю Царя.

Приняв посла турецкого и поняв, что Султан не думает о заключении дружественного договора, а желает только торговать с Россией, Царь Фёдор отпустил посланника с ответом, что на Дону злодействуют более Казаки Лиговские; что **атаман Иван Кишкин** отозван и Москву, и товарищам его **атаману Юшко Несвитаеву** не велено тревожить Азовцев.

Далее в течение следующих шести лет Царь никого не посылал в Царьград и даже явно начал действовать против Султана, ибо в самый день Ибрагимова отпуска, 5 Октября 1586 года, Государь торжественно принял Грузию в подданство; послал **Воеводу Князя Хворостинина** с дружиною Стрельцов в городок Терский, который хотя был уже оставлен, но в нем еще держались вольные Казаки, преграждавшие Туркам путь к Дербенту.

В 1587 году было ещё одно дело, ногайцы, убегая от черкес пятигорских прикочевали к Дону, казаки, охраняя свои территории вторглись в улусы князей Екшисата и Кайбулы и прогнали их в сторону Крыма.

Казаки продолжали вытеснять азовских турок и нападали на их поселения вокруг крепости Азак (Азов). Крымский хан Казы-Герей жалуется уже не царю, а боярину Борису Фёдорову

вичу Годунову: «*Да казаки ваши Донские Азаку городу досаду чинят и вам бы для турок тех казаков уняти, да вашиж казаки с Дону и Самары к Овечьим водам приходя украдом к нашим ко многим улусам, воруют, живот емлют, а терские казаки ходили к Темрюк городу*».

В 1588 году Царь заключил союз с Персидским Шахом, что обнаруживало уже такое недоброжелательство, которое могло и должно было быть весьма неприятно Турецкому Султану.

В этом же году на Дон впервые пришли «*Запорожские Черкасы*» под начальством **атамана Матвея Фёдорова** по приглашению **станичного атамана Андрея Корелы**. Они остановились у Северского Донца на дороге Ливенской по которой проезжали послы и купцы из Москвы в Крым.

Борис Годунов **в 1589 году** отправил гонца своего Петра Зиновьева в Крым с отрядом из 150 стрельцов и детей боярских и поручил встретиться с запорожцами и склонить их к службе Царю Московскому за большое жалование. Зиновьев позже писал Годунову: «*Да Черкасы же литовские воевали, сее весны в Азов посад, месяца мая в 8 день, а взяли де в Азове на посаде Черкасы всяких людей человек с 300*».

Мартин Бер современник и пастор лютеранской церкви в Москве так пишет о том времени:

Фёдор Иоаннович желал служить Богу, выбрал бояр и князей и велел вельможам избрать мужа благоразумного и возложить на него тяжесть забот государственных. Никто из бояр не пошёл на этот рискованный поступок. Один Борис Фёдорович Годунов оказался решительным. Фёдор снял с себя золотую цепь и отдал на Годунова сказав при всех: «*Вместе с цепью снимаю я, Царь и Самодержец всея Руси, бремя с моей выи и возлагаю его на тебя Борис Фёдорович. Решай в моём государстве все дела, кроме важнейших, которые докладывай мне, не приводя в исполнение без моей царской воли, я же буду по-прежнему Царём-Государем*».



Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Обратимся к делам церковным которые во многом повернули историю страны. Летом **1588 года** в Москву прибыл **Константинопольский Патриарх Иеремия**. Состоялась встреча Царя Фёдора Иоанновича с Патриархом, последний ехал во дворец «на осляти» были преподнесены дары: золотая панагия с частью Дерева, крови Христа и ризы и многое другое. После аудиенции с Царём, переговоры продолжил Борис Годунов.

Вначале он предложил остаться жить в России и перенести Патриаршество, но так как Иеремия не знал языка и обычаев этой земли, он отказался. Тогда Борис одарил всех гостей богатыми подарками и уговорил учредить Патриаршество в Москве.

Были выдвинуты три кандидатуры. **23 января 1589 года** большинством был избран первым Русским Патриархом Иов.



Гравюра 17 века. Неизвестный художник.

До времени правления Иова было напечатано всего 4 церковных книги Евангелие, Апостол, Часослов и Псалтырь. Уже 1589 году была напечатана Триодь Постная. Книгоиздание вступило на новый уровень. Началось строительство каменных храмов в Москве.

ЦАРЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА.

101

89. Сія Грамота писана на большомъ пергаментномъ листѣ, скорописью, съ 15 наертаніемъ въ началѣ золотомъ заставка, Божесловія, полное Царскаго титула и прошлыхъ буквъ въ текстѣ. Къ ней пришешена десять слѣдующихъ печатей, изъ коихъ первая четверь, въ томъ числѣ: большая Государственная, двѣ Патриаршія и одна Митрополитская, изъ краснаго воску на красныхъ шелковыхъ смуркахъ; а послѣднія шесть: три Митрополитскія, двѣ Архіепископскія и одна Епископская, изъ сераго воску на серыхъ же шелковыхъ смуркахъ:



Ч. II

Печати на грамоте при избрании Патриарха Иова. Архивный документ 16 века.

Но вернёмся к Годуновым. Многие решают женщины хотя правят мужчины, Жена Бориса постоянно стремилась к возвышению и мечтала со временем стать царицей, и надежды ее возрастали, ибо у царицы Александры не было детей; и Мария Годунова (Скуратова) постоянно убеждала своего мужа в том, что никто, кроме него, по смерти Федора не может вступить на престол, хотя еще живы были другие, а именно **Димитрий**, сын Ивана 4 от седьмой его жены Марфы.

Брат Великого князя и Царя Федора Иоанновича, юный царевич Димитрий, был послан в имение, находящееся на берегу большой реки Волги, называвшееся Углич, где молодого царевича воспитывали и содержали с тою же пышностью, как самого царя.

Прежде всего Борис Годунов старался известить Димитрия, полагая, что, если это произойдет, ему легко будет достигнуть своей цели. Прежде всего он добился того, что царица Марфа была отправлена к сыну, а все родственники ее из рода Нагих разосланы правителями в отдаленные места.

Когда в 1591 году отбились от крымского хана Борис приступил к осуществлению своего намерения, совещаясь со своими друзьями и родственниками, которых было до 70 домов, а именно: Годуновы, над которыми Борис был главою, хотя некоторые из них были старше его, Вельяминовы и Сабуровы два рода, прозванные так; с ними он каждодневно советовался, как достичь короны; прежде же всего необходимо было избавиться от юного царевича Димитрия, ибо весьма опасались, что удобное время упущено, ибо **Димитрию было десять лет** и по своему возрасту он был очень умен, часто говоря: «*Плохой какой царь мой брат. Он не способен управлять таким царством*», и нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, державший в своих руках все управление государством, говоря при этом: «*Я сам хочу ехать*

в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам, поэтому надо позаботиться заблаговременно».



Царевич Дмитрий Иоаннович. Рисунок из «Титулярника» XVII века. Неизвестный художник.

Эти и им подобные речи были передаваемы Борису и его приверженцам, опасавшимся, что если они вовремя не осуществят своего намерения, то сами попадут в западню, приготовленную для других.

Николай Михайлович Карамзин в своей «Истории Государства российского» так пишет: *«Если Годунов боролся с совестью, то уже победил её и, приготовив лежковерных людей услышать без жалости о злодействе, держал в руке яд и нож для Дмитрия: искал только, кому отдать их для совершения убийства».*

Это мы сейчас знаем много различных источников и можем с уверенностью сказать, что царевича Дмитрия точно убили и кто потом был Лжедмитрий. А люди того времени располагали в основном слухами и докладами бояр.

Борис велел дьяку Михаил Михайловичу Битяговскому ехать в Углич, что бы править там земскими делами и хозяйством вдовствующей Царицы, не спуская глаз с обречённой жертвы и не упустить нужной минуты. Годунов дал ему много золота и пообещал ещё больше и совершенную безопасность. Дьяк привёз с собой своего сына Даниилу и племянника Никиту Качалова.

Наступила суббота **15 мая 1591 г.** Михаил Битяговский хорошо зная, что следует делать, ближе к вечеру он приказал сыну своему Даниилу вместе с Никитою и Осипом Волоховым спрятаться на дворе, Царица возвратилась с сыном из Церкви. Пока готовились обедать, боярыня Василиса Волохова позвала Дмитрия погулять во двор. Во Дворе ещё находились Данила Третьяков, Данила Михайлов, Петрушко Колобов, Баженко Тычков Ивашка Красенков. Пацаны подошли к царевичу и спросили: *«Государь! У тебя новое озерелье».* Тот с улыбкою невинностью подняв голову ответил: *«Нет, старое...».* В это время Осип Волохов взмахнул ножом по горлу и сразу бросил. Царевич упал, а Данило Битяговский и Никита Качалов

ещё полоснули ножами и кинулись по лестнице вниз. У всех случился ступор, а потом поднялся крик.

Кормилица Орина схватила Дмитрия на руки, он трепетал и испустил дух и тут Царица вышла из сеней на крыльцо. Кормилица указала на боярыню Волохову и на её сына и родственников. Царица Мария кричала и поленом била Василису и пробила той голову в двух местах. Подбежал Григорий Нагой хотел заступиться, и бедная Мария этим поленом била его и упала замертво, её покинули силы. И тут начали звонить во все колокола. Ближний дьяк Битяговский в положенный час, разослал всех с различными поручениями, а сам, дабы отклонить от себя всякое подозрение народа, отправился в канцелярию заниматься своими делами в присутствии большой толпы народа, собравшегося для решения тяжёлых дел.



Смерть царевича Дмитрия в 1591 г. Художник Б. А. Чориков.

В это же время двое помянутых убийц перерезали царевичу горло, от сильного смущения забыв умертвить других детей, и тотчас бежали; они успели ускакать на лошадях, заранее для них приготовленных.



Убийство царевича. Художник К. Е. Маковский.

Как только это свершилось, молодые дворяне подняли на дворе сильный вопль. И известие тотчас дошло до канцелярии, а потом распространилось по всему городу. Каждый кричал: «Разбой, извели царя!» И многие вскочили на лошадей и сами не знали, что предпринять; другие бросились на двор, схватили здесь всех – и дворян и недворян – и заточили до той поры, пока Москва не узнает об убийстве; между тем во время ужасного смятения многие были умерщвлены.

Когда это известие пришло в Москву, сильное смущение овладело и народом, и придворными, и Царь Фёдор был в таком испуге, что желал смерти; его утешали, как только могли; Царица Ирина также была глубоко огорчена и желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению ее брата Бориса, жаждавшего управлять царством и владеть короною; но она молчала и все, что слышала, таила в сердце, никому ничего не сообщая.

Борис Годунов с чрезвычайной ловкостью сумел подействовать на царя, что тот поручил ему произвести розыск, и Борис принял это поручение.



Убиение царевича Дмитрия. Неизвестный художник 18 века.

Можно было справедливо сказать: овцу поручили волку, но Борис Годунов так произвел розыск, что всех, бывших при дворе царевича, схватили как изменников, и все они подверг-

лись царской опале и были отправлены в ссылку; некоторых, навлекших на себя подозрение, казнили; так совершенно невинно погибли многие добрые люди с женами и детьми.

Из Москвы послали знатного боярина Василия Ивановича Шуйского, окольного Андрея Клешина и дьяка Е. Вылузгина провести расследование и присутствовать при погребении. По окончании следствия они осмотрели тело царевича, которого хорошо знали, и собственноручно положили его во гроб в присутствии старой царицы Марии, его матери, вдовы покойного тирана. И так похоронили царевича Дмитрия в том городе Угличе, с великим воем и плачем, по русскому обычаю.

Затем старая царица Мария (Марфа) заключена была в монастырь, все оставшиеся в живых ее родственники из рода Нагих были, как уже сказано, сосланы. По всей стране было много толков среди знатных людей, которые не осмеливались действовать против Годуновых, пока царь Фёдор жил с царицею Ириной, сестрою Годунова: не простой народ, купцы и другие простые люди толковали между собой о Годуновых, говоря втайне, что они изменники и стремятся овладеть царским венцом, поэтому Борис употреблял всевозможные средства для того, чтобы отвести от себя эти толки.

4 июля 1591 года крымский хан **Казы-Гирей** с полутораста тысячным войском подошёл к Москве, однако, оказавшись у стен новой мощной крепости и под прицелом многочисленных пушек, штурмовать её не решился. Мало кто знал из татар что под руководством зодчего **Федора Савельева по прозвищу Конь** были возведены стены **Белого города** протяжённостью 9 км (они опоясали район, заключённый внутри современного Бульварного кольца). Стены и 29 башен Белого города были сложены из известняка, обложены кирпичом и оштукатурены.

В мелких стычках с русскими отряды хана постоянно терпели поражения; это вынудило его отступить, бросив обоз. Ночью русские воеводы из «обоза» отправили 3-тысячный конный отряд **Василия Янова** в атаку на ханский лагерь в селе **Коломенском**. Встревоженный русским нападением и пушечной стрельбой, крымский хан **6 июля** начал спешное отступление от русской столицы.

Русские конные отряды были посланы в погоню за отступающей и деморализованной крымской ордой. В последних боях с русскими в «диком поле» был ранен сам хан Газы-Герай, кроме того были ранены царевичи Сафа Герай и Бахти Герай, племянники хана. За победу над Казы-Гиреем.

По прибытии в Москву Борис Годунов получил наибольшее вознаграждение из всех участников этой кампании. Вот цитата из Н.М.Карамзина: «...надел на Бориса с своего плеча шубу Русскую с золотыми пуговицами в 1000 рублей и с себя же цепь драгоценную, пожаловал золотой сосуд Мамаевский славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской в наследственное достояние и титул „слуги“ знаменитейшее Боярского». Так же царь не обделил и Мстиславского, и других воевод. На месте где стояло русское войско заложили монастырь, названный *Донским* от имени иконы с Куликова поля, которая так же была под стенами Москвы.

В **1592 году** Царь Фёдор Иванович послал в Константинополь своего посланника. **Григория Афанасьевича Нащёкина** для улучшения государственных отношений. Султан жаловался на недружелюбные действия донских казаков, а русский царь на крымских и азовских татар. Московский царь иногда забывал про то что казаки получали жалование, а коль нет денег то вольные люди поступали как им заблагорассудится. Добывали себе на пропитание набегами на азовскую крепость и грабежами проезжих купцов. Ранее в 1590 году, Донские казаки вместе с Запорожцами, ограбили и сожгли деревянную крепость Воронеж, убили тамошнего Воеводу, Князя Долгорукова-Шабановского; и позже ограбили несколько Турецких купеческих кораблей, пристали к берегам Малой Азии, опустошили и выжгли города Трапезонт и Синоп.

Вот цитата из грамоты архива Дел Турецких; «А по Дону были литовские Черкасы (никакие не украинцы) многие и сложася с нашими изменниками с Донскими казаками, которые от нас бегают, жили на Дону и потом нашему посланику и Доном проехати было нельзе. А которые воров Донские казаки, вперёд будучи на Дону, Азову и Томани и Темрюку убытки ночнут чинити, и мы на Дон пошлём вперёд рать свою, и тех воров Донских казаков переимати велим, а вам бы, брату нашему, Мурат султану заказ учинити, чтоб вперёд азовские и белогородские и крымские люди на наши украинны войною не приходили».

Зимой 1592 года азовские турки приходили на казачьи городки и взяли в плен более 100 человек. Казаки в отместку и для освобождения из плена своих людей пошли под Азак и убили много турок и некоторых взяли в плен и на страх варварам под самим Азовом, на одном из Донских устьев поставили крепостцу. А весной пока посланник ещё находился в пути к Азову отряд казаков под предводительством **Василием Жигулиным** на малых лодках пустился в море Азовское для поражения неверных.

Нащёкин писал и жаловался из Азова в Москву: «*Казаки Станиц низовых силою отняли у меня дары Государевы, не хотели без окупа выдать мне взятых ими в плен Султанского Чауша с шестью Черкесскими Князьями и с досады одному из них отсекли руку, вопя на шумной сходке: «Мы верны Царю Белому, но кого берем саблею, того не освобождаем даром!».*

Царь справедливо раздраженный сим своевольством и дерзостью, послал на Дон Войсковому **Атаману Степану Ершову** и Казакам верховым и низовым грамоту в которой писал: «*По получении сей грамоты, сославшись, с Азовцами немедленно помиритесь, хотя бы вам и досада какая от Азова произошла; помирившись же, отнюдь в море на грабеж не ходите, и тем Нас с Турецким Султаном не ссорьте. Послушаетесь, тем службу свою прямую Нам покажете и жалованья Нашего не лишитесь; не послушаетесь, навсегда лишим вас и жалованья и милости Своей.*

Грамота (въ спискѣ) Государя Царя ФЕОДОРА ІОАННОВИЧА къ Донскимъ Атаманамъ и Казакамъ Верховымъ и Низовымъ: о немедленномъ замирении съ Азовцами, съ отдачею имъ плѣнныхъ безъ выкупа; объ угрозе, за неисполнение повелѣннаго, Царекою опалю; о препровождении возвращающагося изъ Царяграда Посланника Нащѣкина, и съ нимъ бѣдующаго въ Москву Турецкаго Чауша, и о посылкѣ на Дивеевъ улусъ лучшихъ конныхъ Атамановъ и молодцовъ, для подлиннаго свидѣнія о непріязненныхъ намѣреніяхъ Крымскаго Хана. — Писана 1593, Марта 20.

Заглавие грамоты Феодора Иоанновича из сборника "Донские дела».

Если же, паче чаяния, и после сего Нашему делу с Турками какую поруху учините, опалу на вас возложим, в Москву для ласки никогда вас не призовем, пошлем на вас рать, велим на месте вашего Раздора поставить свою крепость, изгоним вас с Дону и вместе с султаном не позволим вас воровать, как ныне воруете... и посылаемого к вам для встречи их Измайлова примите и препроводите до нашей украинны с честью, дав в распоряжение Измайлова от 200 до 500 человек. Лучший отряд доброконных и вооруженных Атаманов и молодцов пошлите погромить Араслана Дивеева Улус, что на Калмиусе, и добудьте там языков, чтобы нам про Ханово умышленье узидать своевременно. Если до прибытия послов Татары и Азовцы пойдут войною на Украину, вы ступайте на шляхи и перевозки в тыл врагу, и сошедшись из Донце с Путивльскими и Запорожскими Черкасами, там по Указу Нашему с Гетманом Хриштопом Косицким находящимся, действуйте совокупно и за одно. На Казыев и Арасланов Улусы придут Нагайцы со многими людьми, с Нашим Боярским сыном, и им помогайте усердно, и где нужно перевозите их чрез Дон. Ныне, с вашим Атаманом Венюковым с товарищами, посылаем вам только по три пуда свинцу и зелья; а с Измайловым, смотря по нынешней службе вашей и рadeнию, пришлем более. Какие у вас вести поновятся, не мешкавши присылайте к Нам Атамана с товарищами, коньми в станице...»

Атаман Андрей Корела и другие атаманы собрали низовых казаков, которые кипели яростью, на лодках скрытно и ночью пришли к крепости Азов, ворвались через стены и убили много турок, больше 100 человек взяли в плен и возвратились в Раздоры, затем написали письмо и отправили **атамана Степана Ванюкова** к царю в Москву. **В Марте 1593 года** Ванюков возвратился на Дон и привёз жалование всем казакам и письмо; *«Покажите теперь верную службу вашу, заключите мир с Азовцами, лучше терпеливо снесите от них обиды, но их не трогайте, по крайней мере до толе, пока приедет к нам турецкий посланик. Если не послушаетесь, наложу на вас мою опалу, не дозволю бывать в Москве и пошлю на низ Доном к Раздорам большую мою рать. На Раздорех велю поставить мой город и вас сгоню с Дону».*

Обе стороны хитро изворачивались в этих переговорах. Для встречи посланника царь Фёдор отправил на Дон князя Волконского. Хотя многие казаки не хотели мириться с турками, но **атаман зимовой станицы Андрей Корела** во всём помогал Волконскому и дождался посланников и проводили их с честью до Рязанских пределов.

(199) Там же, лист 167, отписка князя Волконского, привезенная 19 августа 1593 г.

... „А Донские государь атаманы и казаки о провожанье намъ отказали, что имъ въ неволе послать провожать никакъ немочно, а которые охотники похотятъ ѣхать и они тѣмъ запрещаютъ. А охотниковъ, государь, съ нами идеть донскихъ атамановъ и казаконъ только человекъ съ 30; а хотѣли, государь, съ нами ийти въ провожанье атаманы и казаки многие, да какъ приѣхалъ съ украинъ назадъ въ войско казакъ Нехорошо Картавой, которой сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Сернурхова и сказывалъ де атаманомъ и казаконъ, что на Москвѣ ихъ товарищамъ нужда велика: твоего государева жалованья имъ не даютъ, а на Донъ не пускаютъ, а служить на своихъ копейхъ и кормунимъ не дають, а имыхъ въ холопи отдають, а атаманы и казаки слыша то, многие ѣхать размыслили; а которые государь охотники съ нами ѣдутъ и мы и тѣмъ не вѣрныиъ.“

Отписка князя Волконского из сборника "Донские дела»

В приказных московских документах, в которых среди других старых донских атаманов назван Андрей Корела. В 1593 г. он *«приезжал с Дона с вестями в Москву и получил за службу 8 руб. денег и камку».*

Козаки старались нести службу царю верно. Весной 1594 года азовские турки предприняли поход на российскую Украину, но Донские казаки встретили их на обратном пути и освободили более 600 русских пленников.

В конце **июля 1594 года Атаману Зимовой станицы Кореле** снова пришлось встречать и провожать нового посланника Ислепьева от Царя Московского в Константинополь.

Турки в переговорах с Россией настаивали, чтоб царь, свёл казаков с Дона и порушил их городки. Но наши бояре отвечали, что на Дону живут люди вольные, российские беглецы на коих лежит опала государева.

Пока в Москве шла жизнь, связанная с политикой и установлением дружеских отношений с поляками, шведами и на юге с персами, казаки Дона обустроивали свои жилища и вновь выстроенные крепости. У нашего героя **Атамана Андрея Тихоновича Корелы**, которому уже 44 года, родились и подросли два сына: **Пётр** ему 11 лет и **Тихон** так называли в честь деда, ему 9 лет. Отец часто отлучался в походы, соответственно за всё в доме отвечала **жена Анна**, которую когда-то Андрей купил у станичника.



Казак и казачка. Неизвестный художник 17 века.

В книге историка **А.И.Назарова** «*Антропонимикон яицких казаков XVII века.*» видим, что внук Андрея Корелы, носил фамилию Корелин (тогда говорили КОРЕЛин сын). Возможно, что и Олимпийский чемпион по вольной борьбе Александр Александрович Карелин, Герой Российской Федерации происходит корнями от этих казаков.

Казака **Оношку Петрова Корелина** А. Б. Карпов (историк яицких казаков) принял за инородца, решив, очевидно, что компонент Корелин указывает на принадлежность к народу кореле. Однако это не, бесспорно. В. А. Никонов отметил: «На Севере многочисленны Карельские фамилии (она не этнична, а территориальна слово «*корела*» в то время означало вообще «*западная сторона*»).

Исследователь и историк А. Б. Карпов не только опубликовал материалы переписи яицких казаков 1632 г., но и дал общую характеристику их антропонимикона по этой переписи, правда, весьма краткую. «*Из этой переписи видно, что казаков на Яике в то время было 950 человек, все они великорусского происхождения за исключением 4 инородцев, все носят православные имена, кроме корельца (Оношко Петрова Корелина). Из всех 950 только 93 имеют прозвища или фамилии, остальные называют себя по имени и отчеству (Иван Михайлов, Петр Сидоров и т. д.) и лишь 487 человек к своим именам прибавляют название места, откуда они прибыли на Яик, такие как Ивашко Дмитриев Нижегородец, Богдашко Елизарьев Белозерец.*»

Но вернёмся к Донским казакам. Вот цитата из А. Ригельмана про то время:

О НАВЪЗДАХЪ И УДАЛЬСТВАХЪ ДОНСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

**Жившіе жъ неподвижно на До-
ну между тѣмъ, а паче когда бѣг-
лецы къ нимъ прибывали и чрезъ
разной набродъ паки умножили
ихъ, ѣзжали для добычь своихъ
въ Татарскія и Турецкія области
какъ сухопутно, такъ и водою, по
Азовскому и Черному морямъ, и
столь отважно, что не препятство-
вали имъ ни учрежденныя отъ Ту-
рокъ заставы, ниже самой Азовъ.
Они такъ удачны были, что многія
деревни и мѣстечки разоряли и
частыя сшибки водою и сухопут-
но съ Турками и Татарами имѣли,
и получали, сверхъ прочей добы-
чи, пушки, порохъ, ядра, свинець
и всякую военную збрую.**

Из книги А. Ригельмана.

Теперь вернёмся в Москву. 18 мая 1595 года усилиями Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова Россия заключила Тявзинский мирный договор-договор о мире («вечный мир») между Русским царством и Швецией, подписанный в селении Тявзино (швед. Teusina, фин. Täysina) близ Нарвы.

Завершил русско-шведскую войну 1590—1593 годов Россия возвращала себе крепости Ям, Копорье, Ивангород, а также Корелу, потерянные в результате Ливонской войны, в выигранном положении оказалась Швеция, которая, кроме Ижорской земли, сохранила за собой полный контроль за русской внешней торговлей на Балтике: располагая выходами к морю.

В 1597 году Царь Фёдор I Иоаннович ввел «урочные лета»: по делам о владении крестьянами, их вывозе, возвращении беглых крестьян стал действовать 5 летний срок подачи их владельцами исковых челобитных. Теперь крестьян можно было возвращать через суд. Эти поправки в законы Донские казаки приняли в штыки, что усиливало волнения среди народа.

Русский народ в эти годы был в большом страхе, вспоминая о недавнем нашествии крымских татар, то Борис приказывал поджигать Москву в разных местах, и так три или четыре раза, и каждый раз сгорало более 200 домов, и все поджигатели были подкуплены Борисом, и многих из них приводили к нему, и он, угрожая позорной смертью, приказывал сажать их по разным тюрьмам; таким образом он снова навел страх на всю страну, так что каждый был занят собственным горем и бедствием и, забывая о всех других делах, оплакивал только свои.

Борис, видя, что все совершается по его желанию, послал московским домовладельцам, которые погорели, много денег, сообразно с потерю каждого, и велел своим друзьям и слугам утешать их, соболезнуя их несчастью. Так же Борис велел от своего имени весьма ласково утешать их, предлагая свою помощь. Царь Фёдор всех жалобщиков велел отправлять к Годунову. Он всё принимал, тщательно сохранял и прочитывал, дабы знать, что происходит во всей

стране; и все получали милости и ответы от Бориса. Он развил такую деятельность, так расположил к себе, что о нем говорили повсюду и не могли достаточно нахвалиться им, желая, чтобы по смерти царя он получил корону; этого только он и желал. Борис Годунов в это время пользовался большим уважением, чем царь Фёдор, ибо он не утруждал себя ничем, кроме того, что ходил в церковь и присутствовал при богослужениях, и **Борис управлял всею землею, как глава государства, будучи над всем царем, а Федор Иванович носил только титул.**

Борис имел власть безграничную и даже царь Фёдор Иоаннович как-то сказал: *«Борис, Борис, ты взаправду слишком много позволяешь себе в моем царстве; всевидящий Бог взыщет на тебе»*; это слово, поистине сказанное от чистого сердца, сильно уязвило Бориса. Годунов был так смел, что однажды дотронулся до короны, когда царь шел в церковь; Борис, шедший рядом с царем, притворно поправил ее, хотя она и не сидела криво. Этот поступок напугал жителей Москвы, ибо существует такое поверье: тот, кто дотрагивается до короны на голове царя, должен тотчас умереть.



Мария Григорьевна Скуратова-Бельская (Годунова). Неизвестный художник 18 века.

Годунов совершил еще много подобных деяний, всё это происходило на глазах народа поэтому боялись его более, чем царя.

Мы сегодня можем подумать, каким образом Борис, не умевший ни читать, ни писать, был столь ловок, хитер, пронырлив и умен. Это происходило от его обширной памяти, ибо он никогда не забывал того, что раз видел или слышал; также отлично узнавал через много лет тех, кого видел однажды; сверх того, во всех предприятиях ему помогала жена (**Мария Григорьевна**, урождённая **Скуратова-Бельская**), и она была более жестока, чем он; я полагаю, он не поступал бы с такою жестокостью и не действовал бы втайне, когда бы не имел такой честолюбивой жены.

Борис вершил все дела государства, и, кроме того, был в Москве **думный дьяк Андрей Щелкалов**, он был такой пронырливый, умный и лукавый, что превосходил разумом всех людей; Борис был весьма расположен к этому дьяку, как необходимому для управления государством, и этот дьяк стоял во главе всех дьяков во всей стране, и по всей стране и во всех

городах ничего не делалось без его ведома и желания, и, не имея покоя ни днем ни ночью, работая, как безгласный мул, он еще был недоволен тем, что у него мало работы, и желал еще больше работать, так что Борис не мог довольно надивиться им и часто говаривал: *«Я никогда не слыхал о таком человеке и полагаю, весь мир был бы для него слишком мал, ему было бы прилично служить Александру Македонскому»*; к нему Борис был весьма расположен;

Еще в конце 1597 года Царь Фёдор впал в тяжёлую болезнь. Вот как это сказано у Н.М.Карамзина: *«Как в течение жизни, так и при конце её, Фёдор не имел иной воли, кроме Борисовой; и в сей великий час не изменил своей беспредельной доверенности к наставнику; лишаясь зрения и слуха, ещё устремлял темнеющий взор на Годунова и с усилием внимал его шептаниям»*.

В завещании Фёдор вручал Державу своей жене Ирине, а душу Святителю Иову, двоюродному брату Фёдору Никитичу Романову и шурина Борису Годунову назначил быть главными советниками трона. В 11 часов вечера Иов исповедал Царя. В 7 часов утра 7 января 1598 года Царь Фёдор Иоаннович испустил дух, без судорог и трепета, незаметно, как бы заснул тихо и сладко.

Борис Годунов, когда собрались все Бояре напомнил им, что в России Царя нет и все должны присягнуть Царице Ирине, что те и сделали, целуя крест в руках Патриарха Иова. У Н.М.Карамзина- это так: *«Случай дотоле беспремерный: ибо мать Иоаннова, Елена, властвовала только именем сына-младенца: Ирине же отдавали скипетр Мономахов со всеми правами самобытной, неограниченной власти»*.



Царица Ирина Годунова. Скульптура из реконструкции.

В Пискаревском летописце находим: *«прияша власть скипетра Московского государства благоверная и христоробивая царица и великая княгиня Ирина... по благословению и молению отца своего и богомольца святейшаго Иева, патриарха московского и всеа Руси, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и по челобитью Руския державы Московского государства бояр и окольничих, и дворян и всяких чинов людей и всего православного христианства»*.

Она на малое время, покамест бог царство строит от всех мятежей и царя даст. И крест ей целоваша вся земля Расийского государства».

По предании тела земле пресеклось на троне Московском величавое Варяжское поколение, коему Россия обязана бытием, именем и величием.

В девятый день по кончине Царя объявили, что на лобном месте будет прочитана грамота, простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу Ирину, жену царя Федора, сестру Бориса, домогаясь ее видеть, все кричали: *«Будь милостива к нам, будь нашей царицей: что ты потребуешь, все исполним»*.

Услышав это, царица, дабы избежать великого несчастья и возмущения, вышла на большую лестницу царского дворца и изъявила желание говорить; увидев ее, все принялись так

громко кричать, что, казалось, земля и небо сойдутся вместе: *«Дай Бог здравия нашей царице»*, и тотчас все смолкли, чтобы услышать, что она скажет, и она сказала народу следующее:

«Православные! Муж мой и милостивый царь по воле Бога, Николая чудотворца и всех святых переселился из сего мира в царствие небесное, где все мы уповаем быть. Да будет вам ведомо, что при кончине Федора я должна была дать клятвенное обещание посвятить себя Богу, удалиться от мира и стать монахиней, ежели я достойна молиться о спасении его души, предков наших и всех нас. И так как я сама расположена к тому всем сердцем, то смиренно прошу вас освободить меня от этих великих тягот и мирского дела, передать управление тому, кто достоин, кому по праву надлежит принять его; так как я не желаю царствовать и хочу послушно исполнить просьбу моего покойного мужа, то прошу всех вас более не неволить меня, ибо я никогда не соглашусь; за сим усердно молитесь всемогущему Богу, дабы Он даровал вам набожного и богобоязненного владыку, который беспорочно, справедливо и ревностно управлял бы отечеством, и я тоже буду молиться всемогущему Богу, дабы он ниспослал свою милость».

Народ, услышав такую речь из уст царицы, принялся громко плакать, пал ниц и умолял ее не отказываться от престола, но все было напрасно. Она была тверда, сказав, что Государством будут править Бояре, вместе с Патриархом и в тот же день выехала в Новодевичий монастырь и под именем Александра вступила в сан инокинь.

У современника тех времён пастор Московской лютеранской церкви **Мартин Бер** вспоминает: *«После 6 недельного траура, Борис сложил полномочия жезл и скипетр, и ушёл из собрания Бояр и уехал в Девицкий монастырь к своей сестре Ирине, принять схиму и уйти в монастырь».*

Государственный Дьяк и печатник Василий Шелканов требовал всех целовать крест Думе Боярской. Но все граждане ничего не хотели слушать и при том только кричали: *«Ни знаем ни Князей, ни Бояр, знаем только Царицу; ей мы дали присягу и другой не дадим никому, она и в Черницах мать России».*

Дядя покойного царя, Федор Никитич, снова обратился к Борису, но тот не желал и слышать, притворялся весьма изумленным, отказывался с великой мольбой, говоря: *«Кто я такой, чтобы управлять таким несказанно большим государством, мне довольно трудно управлять и самим собою»*, и просил, чтобы его более тем не утруждали.

Великий страх обуял бояр и придворных, они все время взывали к Федору Никитичу и желали, чтобы он был над ними царем; народ меж тем повсюду кричал: *«Сохрани, Боже, царя Бориса»*; и почти все толпой побежали ко дворцу, и поклялись, и присягнули повиноваться царю Борису, как следовало верноподданным; принял от них присягу Иван Васильевич Годунов. Всей толпой московской пошли в монастырь, где Патриарх заклинал Монахиню Александру благословить её брата на Царство.

Однажды Борис, с печальным лицом направился в церковь, для того чтобы присутствовать на заупокойной обедне и принять участие во всех молитвах и церемониях по усопшем царе, народ с великим шумом бежал за Годуновым и громко кричал: *«Да здравствует наш царь и великий князь всея Руси Борис Федорович, наш царевич, сын его, Федор Борисович. Да будет он нашим государем милостивым»*; при этом падали ниц.

Годунов спрашивал у народа: *«Почто хотите вы обременить меня короной? Почто избрали вы меня в цари, самого скудоумного и ничтожного во всем государстве? Чего ради спешите выбором царя? Прежде следует помолиться за упокой души нашего благочестивого царя, а потом будет довольно времени для избрания царя из рода достойного. Теперь нет никакой надобности так спешить, когда помер царь Иван Васильевич, то по причине долгих войн земля была в великом разорении и крайней нужде, тогда, по правде, нужен был государь благочестивый и богобоязненный, и Бог нам даровал такого; во время его кроткого правления*

с помощью наших ничтожных услуг земля вновь оправилась и разбогатела, того ради не следует спешить».

Однако народ не хотел ничего слушать, продолжал кричать, как и прежде, показывая сильное желание иметь Бориса своим государем, а сына его – наследником; на что и все вельможи изъявили свое согласие. Но Годунов решительно отрёкся от короны.

Патриарх и Бояре ждали Великого Собора, который должен быть пройти в Москве через шесть недель после смерти Фёдора. Разослали гонцов по всей стране, списки выборных людей были использованы с прошлого Земского собора 1584 года.

Приведу ряд цитат из книги **В.Л.Черепнина** «Земские Соборы Русского государства 16—17 веков»: *«Созыв Земского собора представляется как результат общенародной инициативы „всего многобезчисленного народного христианства, от конца до конец всех государств Росийскаго царьствия“.* Главная роль в организации царского избрания отводится патриарху *Иову».*

В. Н. Латкин писал в своём труде «Земские соборы древней Руси» в 1885 г. про Бориса Годунова и патриарха Иова, что они *«оказались ловкими политиками и соорудили такое представительство, которому позавидовал бы даже Наполеон III. Неудивительно, что собор без всяких прений и долгих разглагольствований избрал „государем царем и великим князем всея Руси“ Бориса Федоровича Годунова».* И далее автор замечает: *«Хитрый шурин умершего царя довел комедию до конца и достиг своей цели: шапка Мономаха была на нем, и он, незнатный потомок какого-то мурзы, превратился в могущественного самодержца всея Руси!..»*

С. М. Соловьев. в «История России с древнейших времен» подчеркивает, что Борис «... хотел быть избран земским собором», ибо «только в выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле... Годунов был избран голосом всей земли... издано было соборное определение об избрании Годунова в цари».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.